

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Г. Л. КУРБАТОВ, *Основные проблемы внутреннего развития византийского города в IV — VII вв.*, Л., Изд-во ЛГУ, 1971, 219 стр.

Книга Г. Л. Курбатова посвящена эволюции города в период перехода от античного общества к феодальному на территории Восточной Римской империи. Поскольку в античности город как экономический, социальный и политический организм играл весьма важную роль во всей системе общественных отношений, то вопрос об изменении типа города оказывается одним из ключевых для решения проблемы складывания феодализма, вопроса о путях этого процесса и формах, в которых он протекал. В рецензируемой работе на широком материале рассматриваются различные аспекты изменений, происходивших в городе, выявляются основные типологические различия между античным городом и городом раннесредневековым. Историк античности книга эта помогает ретроспективно обнаружить в городах восточных провинций зарождение тех тенденций, которые полностью проявились уже в византийское время, а также сформулировать основные признаки города, свойственного именно древнему обществу.

Автор на протяжении всего исследования стремится рассматривать внутренние процессы развития города в общей системе отношений, и, в частности, в тесной связи с отношениями аграрными. С анализа аграрных отношений, их влияния на положение городов и начинается Г. Л. Курбатов свое исследование (глава первая — «Город и деревня»).

Отправной тезис автора, высказанный им в первой главе (и затем проходящий через всю книгу), заключается в том, что к IV в. полис в восточных провинциях нельзя считать придатком административного аппарата, он сохраняет ряд своих античных черт (стр. 16). Г. Л. Курбатов показывает, что даже в IV в. довольно много земель находилось в коллективном владении полиса (именно это

он считает основным признаком античного города); сохранился слой средних и мелких муниципальных землевладельцев, причем в их владениях широко использовался труд рабов. Однако уже начиная с III в. происходит ограбление свободного сельского населения и постепенный упадок вилл с развитым господским хозяйством, который завершился, по мнению автора, к VI в. В то же время в крупных имениях появляется поместное ремесло и рынок, складывается тип «деревни-имения», и уже с конца III в. большие села становятся серьезными экономическими конкурентами городов.

Таким образом, в исследуемое автором время коренным образом меняется характерная для большинства областей античного мира (в классический, эллинистический и раннеримский периоды) роль города как ремесленного и рыночного центра, который к тому же мог применять и внеэкономические методы для контроля над сельскохозяйственным производством (запрет вывоза определенных продуктов, регламентация выращиваемых культур при сдаче в аренду общественной земли и т. п.). В отдельных восточных областях возникновение экономической конкуренции деревни и города можно заметить начиная с III в., и историкам античности еще предстоит определить всю совокупность причин (не только экономических), вызвавших это явление.

Возрастающая роль села сдерживала развитие мелких полисов. Им посвящена вторая глава рецензируемой книги — «Упадок мелких городов». Этот упадок объясняется автором прежде всего как результат продолжавшегося переселения в деревню и землевладельцев, и торгово-ремесленного населения из небольших городов. Торговля и ремесло концентрировались в крупных приморских центрах.

Здесь следует заметить, что упадок мелких городов сам по себе не может служить специфическим признаком разложения античных общественных отношений, поскольку поглощение крупными городами небольших было характерной чертой еще эллинистического периода (хотя там оно, вероятно, происходило на другой основе); этот процесс был прерван римлянами, опасавшимися слишком больших метрополий. Увеличение числа мелких полисов, особенно быстро шедшее со II в. н. э., по-видимому, имело искусственный характер: косвенно это подтверждает и материал рецензируемой работы, показывающий быстрый упадок подобных городов в период Поздней империи, когда у государственной власти не стало ни средств, ни, вероятно, необходимости их поддерживать.

Интересен анализ положения крупных городов, который мы находим в третьей главе книги — «Развитие крупных византийских городов». Для IV—V вв. бесспорен рост таких городов; в них переселяются землевладельцы; возрастает значение больших городов как региональных центров обороны, снабжения и обеспечения армии. Однако — и в этом существенное отличие крупного города IV—V вв. от крупного полиса эллинистического времени — размеры и объем ремесленного производства в таком городе (как и в мелком) определялись прежде всего спросом *местного* (курсив мой. — И. С.) земледельческого и землевладельческого населения. Автор показывает, что в IV в. в городах восточных провинций не было крупного частного ремесленного производства (крупными были только государственные мастерские); большинство рабских мастерских, по мнению автора, пришло в упадок в III в. (для городов провинции Азии рабские мастерские почти неизвестны и для более раннего времени). Рабы применялись в домашних мастерских знати; автор объясняет это тем, что знать жила не за счет этих мастерских, а за счет доходов, которые она получала от своих земельных владений; там же, где доходы шли только от мастерских, применение рабского труда было нерентабельно; в массе своей ремесленники в рассматриваемый период рабов не имели.

Автор в данном случае подходит к выводу, имеющему, с моей точки зрения, значение более широкое, чем то, которое придается ему в рецензируемой работе: использование рабского труда имело некоторые преимущества перед другими формами эксплуатации в связи с возможностью непосредственного и полного контроля, но целиком основываться на этом труде производство не могло в силу его нерентабельности. Поэтому эксплуатация рабов, лишенных средств производства, вообще могла существовать только в сочетании с эксплуатацией других групп

непосредственных производителей, когда доходы, получаемые вне «рабского сектора», могли компенсировать потери, вызванные незаинтересованностью рабов в результатах их труда.

В этой же главе автор обращает внимание на еще одну сторону экономического развития: владельцы прежних рабских мастерских, постепенно разоряясь, превращались в мелких ремесленников и уже не имели средств организовать мастерские с наемными рабочими. К этому важному фактору — отсутствию денежного капитала — я бы добавила еще один: ограничение мобильности сельского населения и в связи с этим сокращение притока рабочих рук из деревни в город (фактор, который в период эллинизма способствовал увеличению числа свободных наемных работников в городах). Г. Л. Курбатов аргументированно критикует историков, которые считают возможным говорить о существовании «промышленников» в крупных городах рассматриваемого периода.

В книге убедительно показано, как шаг за шагом в городах усиливается влияние церкви и землевладельческой знати. Со второй половины V в. начинается упадок и крупных городов; в связи с сокращением земельных территорий городов зарождается господство «деревни» — феодала над городом.

Изменение положения городов в общественной системе в целом было связано и с изменениями социального состава населения в городах. В четвертой главе — «Эволюция социальной структуры городского населения и социальных отношений» — автор прослеживает особенности рабского населения, состав *ordo plebeius* и эволюцию знати (муниципальной и провинциальной).

В IV в. рабство, по мнению автора, продолжало еще играть значительную роль в сельском хозяйстве: общее число рабов не уменьшилось (но усилился процесс перевода рабов на пекулий). В городе рабы применялись в сфере обслуживания и на вспомогательных работах. Важным представляется положение автора о том, что по мере обеднения мелких и средних рабовладельцев сокращалось число рабов-слуг, причем положение рабов, принадлежавших к этой прослойке, не улучшалось, а ухудшалось, поскольку они подвергались усиленной эксплуатации, что, в свою очередь, вызывало рост недовольства рабов. В хозяйствах же знати в IV—VI вв. возрастал удельный вес рабской администрации, рабской челяди. В целом общее число рабов постепенно сокращалось, и VII век, как заключает автор, можно считать той границей, когда в Империи окончательно исчезает массовое рабовладение и рабство утрачивает прежнее значение в жизни города и общества.

Особо хочется остановиться на затронутом в этой главе вопросе о роли люмпен-пролетариата. Г. Л. Курбатов выступает против точки зрения о наличии десятков тысяч люмпен-пролетариев в крупных городах; напротив, он полагает, что люмпен-пролетарская прослойка имела тенденцию к сокращению в связи с сокращением муниципальных раздач: уже в III в. рушится античная система постоянной поддержки немущих граждан. Переход от гражданской к частной благотворительности приводил к усилению значенности личностных связей (церковная благотворительность не распространялась на трудоспособных, но неработающих людей). Эта линия рассуждения, касающаяся ранневизантийского города, кажется интересной и убедительной. Но когда автор пытается определить место люмпен-пролетариата в античном полисе вообще, его подход достаточно спорен. Основной прав античного люмпен-пролетариата, пишет автор, была его принадлежность к гражданской общине — коллективному собственнику обширных земель, доходных имуществ, рабов, право на свою долю от эксплуатации которых в той или иной степени имел каждый гражданин города (стр. 135). Однако это действительно было лишь правовой основой, проявлявшейся не везде и не всегда в чистом виде. Нельзя говорить, что до III—IV вв. полисы поддерживали немущих именно как граждан данного города: массовый эпиграфический материал начиная во всяком случае уже со II в. до н. э. показывает, что раздачи в полисах Восточного Средиземноморья производились гражданам и «проживающим в городе и хоре», в том числе всем категориям неграждан, включая рабов и вольноотпущенников. Это объяснялось сложной социальной структурой эллинистического полиса, начавшимся разрушением замкнутого гражданского коллектива, стремлением сгладить острые противоречия между многочисленным негражданским (но преимущественно сельским) населением и гражданами. Здесь мы подходим к положению автора, с которым очень трудно согласиться; по его мнению, античной гражданской общине люмпен-пролетариат был *нужен* (курсив мой. — И. С.) для сохранения единства свободных против рабов, «как антирабская сила общины» (стр. 134). Прежде всего этот тезис не соответствует всей многогранности исторической действительности. Люмпен-пролетарская прослойка была достаточной обузой для гражданской общины, особенно там, где не существовало прямого налогового обложения граждан. Появление и увеличение люмпен-пролетарской прослойки обычно было одним из симптомов кризиса данного общественного организма (Греция в IV в. до н. э., Рим во II—I вв. до н. э.). Эта прослойка далеко не всегда выступала

(если выступала вообще) как «антирабская сила»: как известно, в Греции IV в. до н. э. в ряде выступлений народных масс, а также в восстании Аристоники немущие свободные и рабы действовали вместе. Гражданская община, мирясь с неизбежным злом, кормила люмпен-пролетариев (не только граждан) главным образом для того, чтобы приглушить их недовольство, но всегда стремилась по возможности занять этих людей производительным трудом. Сокращение численности люмпен-пролетариев в период начиная с IV в. н. э. было, по всей вероятности, связано не только и не столько с падением значения рабства, но со всей перестройкой общественных связей, идеологии и морали.

В то же время в городах нарастает преобладание мелких свободных производителей. Автор считает, что в V—VI вв. многочисленные переходные состояния сближали массу свободного и несвободного населения, т. е., по-видимому, именно в этот период оформляются и стабилизируются общественные группы, свойственные складывающимся феодальным отношениям. Интересна судьба корпораций, которую прослеживает автор. Их роль в V в. усиливается; богатые корпорации пользуются поддержкой государства. Но в VI—VII вв. разработки квалифицированных работников падают, происходит пауперизация ремесленников, роль торгово-ремесленного населения в городе значительно ослабляется.

Третья социальная прослойка, эволюция которой рассматривается в рецензируемой книге, — это городская знать. По мнению автора, в III—IV вв. в городе основное ведущее положение занимала муниципальная знать (которую он, с моей точки зрения, не совсем удачно называет «античной», лучше было бы сказать «позднеримская муниципальная знать»). В III в. в городах было сравнительно мало представителей сенаторского сословия и крупных чиновников. В IV в. их становится больше; автор показывает, как с конца IV в. происходит слияние *principales*, сенаторской и военно-чиновничьей прослойки. Большинство муниципальных земель перешло к ним в руки; с конца V — начала VI в. влиятельные землевладельцы, живущие в городе, становятся единой господствующей прослойкой. Автор считает, что до V в. в восточноримском обществе не существовало провинциальной знати; вся знать была городской (последнее положение справедливо для периода, вероятно, не раньше II в. н. э., когда начали стираться грани между римлянами и жителями городов провинций. — И. С.). Муниципальная знать не стала составным элементом нового господствующего класса. Г. Л. Курбатов пишет, что верхушка нового господствующего класса складывалась из людей «новых», не

знатных, возвышавшихся преимущественно на военной службе (стр. 164). Таким образом, анализ социальных отношений в городе IV—V вв. показывает, что в этот период (я бы начала его уже с III в.) происходила полная перестройка структуры, свойственной поздне римскому муниципальному строю.

Той же цели — выявлению принципиальных отличий между античным и раннефеодальным византийским городом — служит исследование, предпринятое в главе V — «Разложение античного муниципального строя». По мнению автора, упадок античного городского самоуправления в IV в. сильно преувеличен; курия решала основные вопросы жизни города, в то время как императорская администрация осуществляла общий контроль. Основой муниципального самоуправления (автор прибавляет «античного»), что, по-моему, не вполне точно) было наличие общегородской собственности; в исследуемый период происходит сокращение городских имуществ; в IV в. наряду с собственно муниципальной кассой в городе появляется касса, находящаяся в ведении государственной администрации, а во второй половине VI—VII в. происходит слияние городской государственной кассы с общегосударственной. Муниципальная деятельность свертывалась по всем направлениям. Интересно показана автором роль церкви, которая поглощала многие важные функции муниципальной организации. Город постепенно превращается в совокупность частных владений; ряд городов становится своего рода «царскими городами».

С выводами этой главы следует согласиться. Одно замечание хочется сделать по вопросу о патронате городов. Автор считает, что характер патроната меняется в IV в.: патронами становятся представители государственной администрации в данном городе, а до этого времени город официально избирал патрона, который занимал почетное положение в курии (стр. 192). Однако последнее утверждение справедливо не для всех районов и не для всех периодов. В I в. н. э. патронами ряда городов в Восточном Средиземноморье были римские военные и политические деятели, представители провинциальной администрации, которые никакого положения в городах не занимали, поскольку стояли над городами (например, племянник и внук Августа, проконсулы, преторы и т. п.). Со II в. н. э. среди патронов городов появляются императорские вольноотпущенники, связанные с аппаратом управления. По-видимому, для IV в. следует говорить не об изменении характера патроната, а о победе определенных тенденций в

развитии этого института, которые проявлялись и раньше.

Подводя итоги всему исследованию, автор указывает, что в связи с окончательным крушением рабовладельческих отношений происходит упадок городов (сначала мелких, а с конца V в. и крупных); в IV—VII вв. разрывается характерное для античного города единство с сельскохозяйственной округой, изменяется социальный состав населения. Другими словами, к VII в. появляется новый город, который является не продолжением, а отрицанием античного города. Вывод этот в целом кажется мне убедительным, за исключением одного, можно сказать, терминологического вопроса: можно ли поздне римский город объединять с классическим греческим полисом в общем понятии «античного города»? С моей точки зрения, разница между полисом V в. до н. э. и муниципием III—IV вв. н. э. не менее значительна и основательна, чем разница между городом IV и VII вв. Конечно, существование городских земельных владений — важная черта античного города вообще, но говорить, что основой самоуправления полисов, например, классического периода было наличие городских имуществ, значит отбрасывать генетические корни полиса, все статусно-правовые и политические аспекты полисной структуры. Такие понятия, как муниципальная знать, сословие курiales, свойственны только провинциальному городу последних веков Империи. Правда, поздне римский город и в IV в. сохранял некоторые черты городов предшествующего периода, часто формально и искаженно, что в ранневизантийском городе уже полностью отсутствует.

Но как бы историки древности ни решили вопрос о том, можно или нет поздне римский город типологически считать полисом, автор рецензируемой книги не только убедительно показал, что тип города, сложившийся в восточных провинциях во II—IV вв., перестал существовать в процессе складывания новых общественных отношений с конца IV по VII в., но и раскрыл одно из коренных отличий между этими новыми отношениями и отношениями, свойственными древним обществам, — разрушение коллективных связей и замена их личностными.

В заключение хочется отметить, что книга хорошо написана, сложные теоретические положения формулируются четко и ясно. Книга не только подводит итоги исследованиям по истории ранневизантийского города, она ставит перед историками новые проблемы.

И. С. Свенцицкая